

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014
Новая и новейшая история. 1958, № 6. С. 49-65

Н. Н. Косорез

РАФАЭЛЬ РИЭГО — ГЕРОЙ ИСПАНСКОГО НАРОДА

В 1958 г. исполнилось 135 лет со дня гибели славного сына испанского народа — героя революции 1820—1823 гг. Рафаэля Риэго.

Рафаэль дель Риэго-и-Флорес родился в обедневшей дворянской семье в Астурии 3 апреля 1788 г. Получив военное образование, он вступил в армию незадолго до начала национально-освободительной войны 1808—1813 гг.¹ Уже осенью 1808 г., после поражения испанской армии при Эс-пиносе, Риэго, защищая своего тяжело раненного командира, попал в плен и был отправлен во Францию. Здесь он хорошо изучил французский, английский и итальянский языки и ознакомился с передовыми политическими идеями своего времени.

Биограф Риэго Кармен де Бургос утверждает, что Риэго был значительно лучше образован, чем большинство наиболее образованных испанцев его времени². Современник Риэго Олосага писал о нем, что «людей привлекали к нему его приятное лицо, приветливое обращение, его простое поведение, общительность и искренность и — больше всего — его самоотверженность и скромность»³. То же самое рассказывают о Риэго и другие современники. Автор изданной в 1823 г. «Испанской галереи, или биографического справочника» так описывает Риэго: «Рост несколько выше среднего, с бледным лицом и сдержанным выражением, скромно одет, прост в обращении. Ему свойственны благородное мужество и возвышенное чувства»⁴.

Даже заведомые враги революции, если они были сколько-нибудь объективны и честны, признавали достоинства Риэго. Так, например, анонимный автор интересной книги «Революция в Испании. Критическое исследование», умеренный конституционалист и решительный политический противник Риэго и всех демократических деятелей, писал о благородстве и беззаветном мужестве Риэго, о его доброте и скромности. «Даже его враги, — читаем мы в этой работе, — не могли обнаружить у Риэго ни малейших признаков честолюбия, а тем более — мстительности»⁵.

После окончания войны с Францией Риэго вернулся на родину. Возвратился туда и трусливый, вероломный король Фернандо VII. Опираясь на поддержку роялистских генералов и политических деятелей, восполь-

¹ До нас не дошло никаких документов об этом периоде жизни Риэго, кроме одного письма его к дяде, в котором Риэго жалуется, что не создан для роли тюремника, которую ему приходится выполнять по долгу службы. — C. de Burgos. *La gloriosa vida y desdichada muerte de Riego. Un crimen de los Borbones*. Madrid, 1931, p. 31. Большинство биографических сведений о Риэго, приведенных в данной статье, взято из этой книги.

² Ibid., p. 12.

³ Ibid., p. 14.

⁴ «Galerie espagnole ou notices biographiques». Paris, 1823, p. 110.

⁵ «Révolution d'Espagne. Examen critique, 1820—1836». Paris, 1836, p. 64. С самого начала революции Риэго подвергался ожесточенной клевете — устной и письменной (первые — в памфлетах, затем в мемуарах, а позже — и в ряде буржуазных исторических работ). Враги особенно старались очернить его моральный облик. В приведенной цитате чувствуется полемика с этой литературой.

зовавшись слабостью конституционного правительства, не сумевшего последовательной революционной политикой закрепить конституционный строй в Испании, Фернандо произвел 4 мая 1814 г. переворот, отменил конституцию 1812 г. и восстановил абсолютизм. В стране воцарился режим террора, мракобесия и коррупции. Страной правила камарилья — небольшая кучка ближайших друзей и собутыльников короля. Полностью были восстановлены феодальные отношения в деревне, поколебленные во время войны с французами. Экономическое положение страны, разоренной шестилетней войной, не только не поправлялось, но все больше ухудшалось. Этому способствовала и война в Америке, где испанские правящие круги пытались вернуть себе восставшие колонии. Война не только высасывала последние средства у разоренного государства, но заставляла народ платить еще «налог кровью». К 1819 г. в Испании сложилась революционная ситуация, при которой весь народ — крестьянство, городская беднота и буржуазия — жаждал смены режима. Наиболее политически сознательной и революционно активной частью испанского населения в изучаемый период были передовые офицеры, составлявшие единственный организованный отряд революции⁶.

Борьба передовых офицеров против восстановленного абсолютизма началась уже в 1814 г. с неудачного выступления генерала Мины, одного из героев войны против Наполеона. В дальнейшем заговоры и выступления умножились, и десятки патриотов сложили свои головы в плохой организованной борьбе одиночек против тирана. Но в 1819 г. недовольство абсолютизмом и готовность выступить против него приняли уже гораздо более широкие масштабы и заговор охватил значительную часть офицеров экспедиционной армии, квартировавшей в районе Кадиса. Эта армия предназначалась для очередного похода против восставших колоний в Америке. Война там велась в очень тяжелых условиях и уносила множество жертв. Было ясно, что король направлял в экспедиционную армию прежде всего революционно настроенных офицеров, от которых он хотел избавиться. Здесь, в окрестностях Кадиса, мы и встречаем в 1819 г. подполковника Риэго, командира 2-го Астурийского батальона; Риэго принял в заговоре самое активное участие.

Военные заговорщики решили провозгласить конституцию 1812 г. сразу в нескольких местах 1 января 1820 г. Но выступил только Риэго, который действительно провозгласил 1 января 1820 г. конституцию 1812 г. перед своим батальоном и собравшимися жителями местечка Лас-Кавесас-де-Сан-Хуан. Риэго говорил солдатам, что их отрывают от отцов и братьев, остающихся в угнетении и нищете, и посылают вести несправедливую войну в Новом Свете. «Вы обязаны отцам жизнью», — говорил Риэго, — и должны сохранять ее, чтобы поддержать их в старости или, если это будет нужно, чтобы отдать ее в борьбе за их свободу». Дальше Риэго напомнил о тяжелых налогах и повинностях, которые несли крестьяне, о гнете и произволе, которым они подвергались. «Испанская конституция, справедливая и либеральная, была выработана в Кадисе в крови и страданиях», — говорил Риэго. — Ради спасения Испании необходимо, чтобы король присягнул конституции 1812 г. и соблюдал ее»⁷.

Уже это первое политическое выступление Риэго показывает, что он не боялся обращаться к народу. Риэго подчеркивал перед солдатами нищету, угнетенное положение и бесправие их отцов. Он призывал разбить цепи, сковывающие Испанию. Он ясно и недвусмысленно осуждал угнетение Испанией народов Латинской Америки, называл войну против них несправедливой и бесполезной. Вся дальнейшая деятельность Риэго, в частности поход его колонны, свидетельствовала о том, что Риэго хотел осуществить революцию, опираясь на широкие слои народа.

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 684.

⁷ C. de Burgos. La gloriosa vida..., p. 66—67.

Провозгласив восстановление конституции, Риэго назначил двух конституционных алькальдов и принял меры для обеспечения конституционного строя в местечке. Затем быстрыми и решительными действиями воинских частей под руководством Риэго был захвачен Аркос-де-ла-Фронтера. Здесь Риэго арестовал отказавшийся принять участие в восстании штаб экспедиционной армии. Находчивый и смелый Риэго сумел быстро пройти из Аркоса к Кадису, провозгласив по пути конституцию в Херес-де-ла-Фронтера, в Пуэрто-де-Санта-Мария и присоединив к своей колонне ряд новых частей. В ночь на 6 января он прибыл в Сан-Фернандо, на острове Леон, где находились номинальный глава заговора полковник Кирога и другие руководители восстания: Арко-Агуэро, Лопес Баньос, Сан Мигель, О'Дали. Кирога не сумел выступить вовремя, и эта потеря времени дала возможность военным властям Кадиса предупредить предполагавшуюся сдачу населением города и организовать его оборону.

Несмотря на ряд вылазок (во время одной из них Риэго был контужен в голову), взять Кадис восставшим не удалось. Правительство направило против них армию во главе с генералом Фрейре, но, так как его солдаты были ненадежны, Фрейре не решался атаковать революционеров. В свою очередь, последние выжидали, чтобы королевское войско само перешло на их сторону. Руководство Национальной армии⁸ вело активную агитацию, распространяя по Андалусии воззвания к населению, к солдатам, к флоту, к провинциальным милициям, к королю и т. д. В Сан-Фернандо восставшие издавали «Патриотическую газету». Но для достижения успеха одной агитации было недостаточно. В течение почти месяца две армии стояли друг против друга. Количество восставших почти не увеличивалось. Население ожидало их прихода, но само не поднималось еще, — так оно было придавлено шестилетним террором!

Восставшие понимали, что нужно выступить и поднять народ, иначе восстанию грозила гибель; если оно не будет расширяться, оно выдохнется, став жертвой собственного бездействия, и разделит судьбу заговоров Порриера, Ласи и других погибших героев. И опять на долю Риэго выпала задача продолжить революцию.

29 января он выступил из Сан-Фернандо во главе 1500 солдат. В течение полутора месяцев он двигался по Андалусии, преследуемый значительно более сильным отрядом правительственных войск, с которым ему несколько раз пришлось вступить в бой. В Альхесирасе, Малаге, Ронде, Кордове и в других городах население встречало революционное войско с энтузиазмом. Риэго всюду провозглашал конституцию 1812 г., устанавливал конституционную власть, освобождал политических заключенных, отменял обременительные для торговли пошлины⁹. Но города, приветливо встречавшие восставшую армию, сами, тем не менее, не поднимались. К середине марта отряд Риэго растаял в результате мелких стычек с неприятелем и болезней. 11 марта в местечке Бьенвенида в Эстремадуре Риэго распустил остатки своего отряда. Он не знал тогда, что его героический поход уже достиг цели и конституция 1812 г. восстановлена во всей Испании.

Слухи о восстании на Юге распространялись по всей стране, народ жаждал перемен, жаждал покончить с абсолютизмом и феодализмом. Восставшим приписывали фантастические победы. И наконец 21 февраля на другом конце полуострова революционные офицеры Коруньи (Галисия), воодушевленные этими слухами и поддержанные населением, тоже провозгласили конституцию 1812 г. Вслед за Галисией конституция была провозглашена в Сарагосе, Барселоне, Памплоне и в других городах, причем в ряде мест (например, Сарагосе, Барселоне) конституцию провозгласили под давлением народа (неоднократно выступавшего с требованием конституции) ее враги, которые при помощи этого маневра удержались у власти и в новых условиях продолжали вести борьбу против революции.

⁸ Так называли себя восставшие военные части.

⁹ «The Times», 6.III. 1820.

В конце концов и королю, несмотря на все его старания избежать во-
становления конституции 1812 г., пришлось 7 марта 1820 г. присягнуть
этой конституции и созвать кортесы.

Героический поход Риэго принес победу восстанию 1820 г., избави-
его от судьбы предшествовавших ему в течение шести лет неудачных
выступлений, дав возможность революционерам Андалусии продержать-
ся до тех пор, пока их смелая инициатива, вдохновившая все революци-
онные силы страны, не вызвала активного отклика в других частях Ис-
пани. Таким образом, если можно говорить о человеке, который сдела-
больше всего, чтобы восстание увенчалось успехом, чтобы оно преврати-
лось в революцию, то этот человек — Рафаэль Риэго. Именно он прояви-
максимум отваги, революционной целеустремленности, настойчивости и
упорства, чтобы поднять испанский народ на революцию¹⁰.

Фернандо VII присягнул конституции только потому, что это были
для него единственным способом спасти свою корону. Он отнюдь не со-
бирался оставаться верным присяге. Также и большинство его генералов
сановников, представителей высшего духовенства и аристократии «приз-
нали» конституцию лишь под давлением обстоятельств. В первые месяцы
революции, когда народ был полон революционного энтузиазма, враги е-
е притихли, выжидая момента, когда можно будет перейти в контрнаступ-
ление.

Но кроме заклятых врагов, желавших восстановления чистого абсо-
лютизма, у революции были еще более опасные ложные друзья. Это были
люди, большей частью деятели революции 1808—1814 гг., которые не
хотели абсолютизма, но стремились мирным путем и без участия наро-
да получить конституцию значительно более умеренную, чем конститу-
ция 1812 г. Их называли в 1820 г. «модерадос» (умеренные), в отличие
от «эксальтадос» (восторженные) — революционеров младшего поколе-
ния, к которым принадлежали прежде всего офицеры, поднявшие восста-
ние в начале 1820 г. (в том числе и Риэго).

В социальном отношении модерадос представляли интересы той бо-
лее прозорливой части дворянства, которая понимала, что конституцион-
ная монархия — лучшая защитница старых социальных отношений и,
в частности, земельной монополии дворянства, чем отживший, обречен-
ный абсолютизм. Эти умеренные конституционалисты защищали, в сущ-
ности, те же классовые интересы, что и абсолютисты, но они это делали
умнее. Проведением в ограниченных рамках политических реформ
они надеялись предотвратить социальную революцию.

Подлинными сторонниками конституции 1812 г. были эксальтадос —
революционные офицеры, представители буржуазии, демократической
интеллигенции, городской бедноты. Ко времени революции большинство
эксальтадос входило в масонскую организацию. Они представляли инте-
ресы тех кругов общества, которые желали уничтожения не только абсо-
лютизма, но и феодализма и создания условий для свободного развития
капитализма в Испании. В конце 1820 г. от масонов откололись более
радикальные элементы, образовавшие новую тайную организацию — Кон-
федерацию комунерос. Если масоны защищали интересы крупной, глав-
ным образом торговой, буржуазии, то комунерос представляли инте-
ресы средней и мелкой буржуазии и городской бедноты — ремесленников,
мастеровых, предпролетариата. Разногласия масонов и комунерос отно-
сились главным образом к вопросам тактики борьбы за укрепление ре-
волюции и подавление ее врагов. Комунерос требовали более радикаль-

¹⁰ Уже упомянутый консервативный автор, оценивая события через 16 лет, под-
черкивал, что именно Риэго «придал величие» восстанию, в то время как Кирога,
назначенный начальником заговора только потому, что он был полковником, ничего
не сумел сделать («Révolution d'Espagne...», p. 63—64). Это мнение справедливо.
Роль Кироги в восстании была незначительной; из-за отсутствия высшего по чину
заговорщика Кирога оказался номинальным главой заговора.

ных методов и средств борьбы, чем те, на которые были готовы идти масоны. Но, расходясь в вопросах тактики, оба течения до лета 1822 г. направляли основные свои усилия на совместную борьбу против модератос, за развитие и углубление революции¹¹.

Новые министры, назначенные в марте — апреле 1820 г., в основном были деятелями кортесов 1810—1813 гг. — модератос (только военный министр, граф Амарильяс, был заведомый абсолютист). Поставив себе целью положить конец революции, предотвратить какие-либо дальнейшие серьезные политические, экономические или социальные уступки народу, и прежде всего аграрную реформу, министры в полном единении с крайними реакционерами считали нужным сразу же лишить революцию ее военной опоры — Национальной армии, которой с июня 1820 г. командовал Риэго.

Сперва министры попытались купить Риэго и других революционных офицеров высокими военными званиями¹² и придворными должностями, но этот маневр не удался. Тогда король назначил Риэго капитан-генералом (т. е. военным губернатором) Галисии (июль 1820 г.), а затем издал приказ о роспуске Национальной армии. Одновременно правительство стало распространять провокационные слухи о том, что эта армия построена республикански¹³.

Роспуск революционной армии вызвал огромное возмущение в испанском народе. Население, муниципалитеты, провинциальные депутации, направляли королю и кортесам протесты. Командиры Национальной армии Риэго, Арко-Агуэро и Лопес Баньос в обращении к кортесам от августа 1820 г. указывали, что роспуск Национальной армии в существующих условиях опасен. «Конституционный строй еще не окреп, — писали они, — новая финансовая система, которая должна стать опорой конституционной администрации, различные реформы, которые не могут не возбудить недовольство и сопротивление богатых классов¹⁴, — все эти великие проблемы предстоит еще решить... Общественной безопасности угрожают организации, поддерживаемые из-за границы, и внутренние беспорядки, возбуждаемые оттуда же»¹⁵. Это обращение особенно интересно тем, что при крайней скудости источников о социально-экономических требованиях

¹¹ О единой «партии» эскальтадос нельзя говорить позже 1820 г. Поэтому всюду, где это возможно, мы будем говорить о масонах и комунерос и только там, где они выступали совместно против более правых течений, — об эскальтадос.

¹² Риэго и несколько других отличившихся в восстании офицеров были произведены в генералы.

¹³ У нас нет сведений о каком-либо подлинном республиканском движении во время революции 1820—1823 гг., и это не случайно. В 1820—1823 гг. страх перед республикой был данью предрассудкам, вековой темноте и политической отсталости, влиянию католической церкви, изображавшей республику 1793 г. во Франции кровавым разгулом ереси и беззакония, страшной анархией. Однако, относясь с недоверием к республиканской форме, испанский народ на протяжении революции неоднократно выступал как сторонник республиканского содержания. Это особенно ярко проявилось во время народного движения в защиту Риэго и против реакционных министров в конце 1821 г., когда народ в многочисленных обращениях к своим правителям требовал подчинения короля конституции и воле нации.

Характерно, что многие комунерос после революции, в эмиграции, стали республиканцами. Очевидно, во время революции тактические соображения, боязнь оторваться от народа заставляли наиболее последовательных революционеров скрывать свои республиканские убеждения и поддерживать монархию с почти республиканской конституцией 1812 г. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 47). Поэтому же враги революции устраивали провокационные «республиканские заговоры» и распускали слухи о республиканизме лучших революционеров. Впервые эта тактика была применена в отношении Национальной армии весной 1820 г.

¹⁴ Нужно заметить, что употреблявшемуся испанскими буржуазными революционерами слову «богатые» придавалось значение не столько имущественное, сколько социальное: под «богатыми» подразумевались не вообще лица имущие, а именно аристократия — богатейшая, привилегированная часть испанского населения. Буржуазия же часто причисляла себя к «бедным».

¹⁵ «The Times», 16.IX. 1820.

восставших офицеров оно ясно свидетельствует о том, что Риэго и его товарищи рассчитывали на проведение в жизнь налоговых и социальных реформ, направленных против землевладельческой аристократии.

Чтобы сделать последнее усилие для спасения революционной армии, Риэго сам поехал в Мадрид. Он прибыл в столицу ночью 30 августа.

Население Мадрида восторженно встретило «героя из Лас-Кавесас». В его честь были устроены гулянье, банкет, театральное представление. В театре зрители после спектакля пели сочиненную в Кадисе популярную песню «Tragala» («Проглоти-ка ее, собака») — испанскую Карманьолу. Присутствовавший в театре «политический глава» (jefe político) Мадрида запретил пение и подвергся оскорблениям со стороны публики. Правительство ухватилося за этот инцидент, раздуло его, объявило Риэго виновником демонстрации и 4 сентября, отменив назначение его капитан-генералом Галисии, сослало на гарнизонную службу в Овиедо.

Не имея возможности из-за высылки выступить в кортесах, как он намеревался, Риэго оставил в письменном виде речь, которая была зачитана на заседании 5 сентября 1820 г.¹⁶ В этой речи Риэго подчеркнул, что конституционный режим еще слаб, что ему угрожают сильные противники, в то время как его достоинства и преимущества пока недостаточно известны народу. Многочисленные заговоры, раскрытые после революции, тюрьмы, полные врагов, «врагов, которые являются, может быть, лишь слепым орудием других, высокопоставленных лиц, тем более ожесточенных, чем больше они опасаются далеко идущих реформ», множество недругов на ответственных постах — все это свидетельствует о том, что конституционный строй не упрочен. В этих условиях новая система нуждается в таком сильном защитнике и оплоте свободы, как Андалусская армия наблюдения¹⁷. Риэго отверг выдвинутые против армии и ее руководителей провокационные обвинения в честолюбии и в стремлении уничтожить королевскую власть. Он заявил, что ссылки на соображения экономики также неубедительны. Нельзя забывать, что высший закон — безопасность государства.

Оглашение речи Риэго явилось вступлением к одному из самых бурных заседаний испанских кортесов в 1820 г. Эксальтадос были возмущены действиями правительства — роспуском Национальной армии и ссылкой Риэго и ряда других революционных деятелей, при полной безнаказанности контрреволюционных заговорщиков. Депутаты Гутьерес Акунья, Истурис, Ромеро Альпуэнте и другие указывали на реальную опасность, которую представляли для революции сильные ее враги при отсутствии всякого противодействия им со стороны правительства. Модерадос защищали действия правительства демагогическими и лицемерными аргументами, и, так как эта группа составляла большинство в кортесах, прения закончились принятием издевательской резолюции о передаче обращения Риэго в «комиссию по наградам».

Уже на первой сессии кортесов, летом и осенью 1820 г., четко выявились расхождения между модерадос и эксальтадос. Эти расхождения проявились в оценке политической обстановки, задач и перспектив революции. Эксальтадос настаивали на том, что конституционная система не упрочена, что еще не осуществлены важнейшие задачи, стоящие перед революцией, не проведены все необходимые реформы, что ей грозят большие опасности, у нее многочисленные и сильные враги и что поэтому правительство не вправе ослабить свою бдительность, демобилизоваться; рано еще переходить на положение мирного, конституционного времени.

Модерадос, наоборот, утверждали, что с восстановлением конституции все задачи революции выполнены, что свобода уже упрочена, что врагов

¹⁶ «Diario de las sesiones de las Cortes de 1820», t. I. Madrid, 1871, p. 826—827.

¹⁷ Так правительство переименовало Национальную армию после победы революции.

нее не может быть и что теперь Испания должна доказать свою зрелость самым точным соблюдением законов, не прибегая к каким-либо чрезвычайным мерам. Поэтому, совершенно не считаясь с опасностью восстановления абсолютизма, модерадос направили все свои силы на борьбу против выступлений революционеров.

Первая сессия кортесов закрылась в ноябре 1820 г. Результатом ее деятельности была ликвидация майоратов, закрытие некоторых (477 из 1092¹⁸) монастырей и национализация их имущества — максимальные социальные реформы, на которые модерадос готовы были идти (обсуждение законопроекта об отмене сеньориальных прав они сумели отложить на следующую сессию). В целях борьбы с левыми элементами модерадос провозгласили законы о запрещении патриотических обществ и об ограничении свободы печати. Эти мероприятия кортесов против революционеров вдохновили абсолютистов, и в начале ноября 1820 г. они попытались совершить переворот. Но так как модерадос не хотели восстановления абсолютизма и осенью 1820 г. еще рассчитывали удержать руководство революцией в своих руках, они пошли на блок с эксальтадос, чтобы, опираясь на народ Мадрида, сохранить конституционный строй. Путч был быстро подавлен, и произошло временное примирение всех конституционалистов. Опальные революционеры были возвращены из ссылки и выдвинуты на высокие посты и должности. Риэго был назначен капитан-генералом Арагона.

Но король продолжал мечтать о восстановлении абсолютизма. И когда в начале 1821 г. Священный союз на конгрессе в Троппау-Лайбахе подтвердил принцип помощи всем легитимным монархам в борьбе против революции, а затем действительно осуществил интервенцию против неаполитанской революции, Фернандо воспрянул духом, уволил министров-модерадос и назначил вместо них реакционное министерство, прямой целью которого было подготовить контрреволюционный переворот. В условиях растущей революционной активности городской бедноты и крестьянства в 1821 г. правительство попыталось путем административного давления при выборах депутатов в новые кортесы в конце 1821 г. добиться набрания реакционного большинства, чтобы позже совершить государственный переворот. Но этот план был сорван. Тогда министры перешли к провокациям. Враги революции рассудили, что наиболее эффективным действием подобного рода будет преследование виднейшего, популярнейшего деятеля революции — Риэго.

Став в конце 1820 г. капитан-генералом Арагона, Риэго принимал все меры, чтобы укрепить конституционный строй в этой провинции. Особое внимание он обращал на популяризацию конституции 1812 г. Он много разъезжал по провинции, разъясняя народу конституцию и организовывая патриотические общества¹⁹. В качестве высшей административной власти провинции он защищал интересы крестьян от посягательств сеньоров, о чем свидетельствует его нашумевшее решение в споре крестьян с охотниками летом 1821 г. Дворяне охотились на полях с еще не собранным урожаем, тем самым разоряя крестьян. Это вызвало конфликт, лихорадивший всю провинцию. Риэго постановил, что охотники не должны измезжать на крестьянские поля, пока с них не собран весь урожай. Выступая с речью в этой связи, Риэго сказал, что он прекрасно знает, что его решение не всем понравится, «но какой беспристрастный судья может претендовать на то, чтобы его приговор удовлетворил обе враждующие стороны?»²⁰. Этот реалистический подход, признание непримиримости враждующих интересов характерен для Риэго (вспомним, например, его речь, прочитанную в кортесах 5 сентября 1820 г.); он отличал Риэго от

¹⁸ «The Times», 5.XI. 1821.

¹⁹ «The Times», 3.X. 1821.

²⁰ C. de Burgos. La gloriosa vida..., p. 144.

многих его соратников — масонов, которые верили или старались уверить себя, что классовые противоречия, противоречия между защитниками и врагами конституционного строя примиримы, что можно найти путь, который удовлетворит всех. Риэго знал, что такого пути нет, что врагов нужно подавлять, а не уговаривать. И он обращался к кортесам с требованием более решительной борьбы против контрреволюционеров²¹.

Враги революции все время пытались погубить Риэго. Он был самым популярным, любимым народом вождем революции. Его имя было символом революции, и возгласы «Да здравствует Риэго!» и «Да здравствует конституция!» были равнозначны. Риэго был неподкупен²², и враги это знали. Поэтому они употребили все усилия на то, чтобы дискредитировать его политически и морально. Для этого и был использован в августе 1821 г. провокационный «республиканский заговор» в Сарагосе: участие Риэго в нем должно было, по замыслу контрреволюционеров, оттолкнуть от Риэго народ и дискредитировать его единомышленников-эксальтадос.

Вполне возможно, что Риэго, как последовательный демократ, был в душе республиканцем. Но он никогда не выдвигал требование республики — политический уровень испанского народа в 1820—1823 гг. этого не допускал. Риэго же не был авантюристом. Вся его деятельность, все написанные им политические документы характеризуют его как человека умного, политически проницательного и беспрдельно любящего свою родину, судьбой которой он никогда не стал бы играть. Поэтому он не мог участвовать в заговоре, который в лучшем случае был авантюрой, а в худшем и наиболее вероятном — провокацией.

В конце августа 1821 г. Риэго был уволен с поста капитан-генерала и сослан в Лериду (Каталония), где в то время свирепствовала катастрофическая эпидемия желтой лихорадки: враги революции надеялись, что губительная болезнь довершит дело, начатое ими при помощи клеветы и провокации.

Риэго не был честолюбив и не дорожил постом капитан-генерала. До увольнения он три раза просил короля освободить его от этого поста и вообще уволить его с военной службы²³. Но он прекрасно понимал, что увольнение его в связи с провокационным заговором было ударом не только по нему, но и по всем революционным силам. Поэтому он всеми силами протестовал против произвола и требовал правосудия. Он неоднократно обращался к королю и кортесам, указывая, что король имеет право рас-

²¹ «Diario... de 1821», t. I, p. 377.

²² Исключительно ярко характеризует моральный облик Риэго письмо, в котором он решительно отказался от пенсии в 80 тыс. реалов, назначенной ему кортесами 25 июня 1821 г. в благодарность за его заслуги перед родиной. Риэго писал, что он был бы недостойн высокой чести участия в освобождении родины, выпавшей ему на долю, если бы принял материальное вознаграждение. Счастье возвращения свободы и величия родины — вот награда за подвиг, и эта награда не имеет денежного эквивалента. Тактично, стараясь не обидеть тех депутатов, которые считали, что «прошло то время, когда великие подвиги вознаграждались лавровыми венками», Риэго объяснял, что для него подвиг, диктуемый любовью к родине, не требует и даже не допускает никакого материального вознаграждения. «Ни мой характер, ни мои принципы, ни все побуждения, которые управляют сердцем благородного человека, не позволяют мне принять пенсию в 80 тыс. реалов... Я небогат, но жалование, которым родина вознаграждает мою скромную деятельность, вполне достаточно для удовлетворения всех моих потребностей. Мои дети (если они будут) не смогут иметь претензий к родине, если они будут служить ей хорошо. Если же они будут для нее бесполезны, я не хочу и не могу допустить, чтобы они жили за счет ее милостей». В заключение Риэго обратил внимание кортесов на заслуги своих товарищей, участников восстания, разделивших с ним как трудности и опасности борьбы, так и радость победы и награду восстановленной свободы, и имена которых должны стоять рядом с его именем. (Полный текст письма приводится в книге C. de Burgos. *La gloriosa vida...*, p. 147—151).

²³ В ответ он всегда получал отказ: как военный, Риэго находился в распоряжении короля, а тот, конечно, не желал выпускать из-под своего контроля столь опасного врага.

прижаться его должностью, но не издеваться и бесчестить его. Он настойчиво требовал суда: пусть будут законным путем расследованы предъявляемые ему обвинения, и если он виновен — пусть погибнет. Но если будет доказана его невиновность, то должны понести наказание враги его и конституционного строя. Требования Риэго остались без ответа.

Обращения Риэго к королю и кортесам осенью 1821 г. важны для характеристики политических взглядов Риэго и его оценки положения в стране. В этом смысле особенно интересно послание к королю, опубликованное в «Eco patriótico de Cordoba» и перепечатанное в главном органе комунерос «Eco de Padilla» 15 ноября 1821 г. Здесь Риэго подвел итог разбитию революции и назвал положение Испании в переживаемый момент «тяжелым положением, переходным состоянием», при котором слова расходятся с делами. «Кортесы обсуждают и декретируют, — писал Риэго, — и правительство внимает и не исполняет; нижестоящие власти повинуются, но не осуществляют распоряжений высшей власти; судебная власть действует, как ей заблагорассудится. Налоги раскладываются, но не взимаются, потому что нельзя получить 38 млн. дuros от населения, которое не в состоянии дать и 18 млн. Правительство не пользуется никаким уважением». Народ находится в состоянии разброда, и одни только рабопенные (абсолютисты) объединены.

«Когда народ пытается использовать блага просвещения, — писал далее Риэго, — фанатичные священники проклинают его, называют безбожным и дают другие бранные клички. Когда он говорит о своих правах и хочет воспользоваться своими свободами, правительство подавляет его, называя покушениями, мятежами и беспорядками самые невинные слова и действия». Риэго настойчиво подчеркивал, что «свобода, конституция и революция» в Испании лишь пустые слова. Они не имеют реально-го значения. В результате этого никто не ощутил благотворных результатов, которые они должны были принести.

Обращаясь к королю, Риэго напомнил ему, что именно Испания (т. е. испанский народ) ценою больших жертв освободила короля из его добровольного плена и вернула ему потерянную корону, которую она могла дать или не дать ему, в зависимости от ее желания.

Рационалистическое философское мировоззрение Риэго выражено в следующих словах: «Философия нашего века аналитична, и эта философия, отличающая правду от лжи, вызвала и доведет до конца революцию идей, которую ни Ваше Величество, ни все короли, вместе взятые, не могут остановить в своем развитии, не подвергая себя опасности гибели. А так как владыка мира — разум, и его власть — абсолютна, то ему должны подчиниться все остальные властители, власть которых преходяща»²⁴.

Это письмо, как и другие выступления Риэго, и все его действия свидетельствуют о его демократизме, искренности и честности, о подлинной революционности. Риэго всегда отстаивал принцип суверенитета народа и верил в революционные силы испанского народа. Несомненно, именно вера в народ побудила Риэго осуществить легендарный андалусский поход в начале 1820 г. и тем предотвратить поражение революции. Эта же вера лежала в основе предложенного им плана спасения революции в 1823 г., но трусы и капитулянты не дали ему возможности осуществить его.

Нужно, однако, учитывать, что, несмотря на искренний субъективный демократизм таких деятелей, как Риэго и его политические единомышленники, они в своей деятельности не могли выйти за рамки, определенные уровнем развития испанского общества, испанской буржуазии, испанской буржуазной революции.

Левые комунерос²⁵, политические требования которых поддерживал

²⁴ «Eco de Padilla», 15.XI. 1821.

²⁵ В начале 1823 г. среди комунерос произошел раскол. Из организации вышли правые, близкие к масонам элементы, которые обвиняли руководство Конфедерации

Риэго, представляли те же социальные слои, что и якобинцы. Но в Испании не было якобинцев, испанская революция не смогла их породить, потому что капитализм в Испании был менее развит, чем во Франции, испанская буржуазия была численно и экономически гораздо слабее, чем французская, она находилась под большим влиянием феодальной идеологии вообще и католической церкви в частности. Испанская буржуазия не обладала смелостью французской; тем более ее напугала якобинская диктатура во Франции. Большое значение имело, в частности, крайне слабое развитие капитализма в испанском сельском хозяйстве, отсутствие сколь-нибудь значительного расслоения крестьянства. Поэтому сила и организованность крестьянского движения были значительно меньшими, чем во Франции, и аграрная революция не получила необходимого размаха. Со своей стороны, и революционеры из среды буржуазии не придавали ей значения и не оказывали ей помощи. В силу всех этих обстоятельств общий уровень революционного движения в городе и деревне в Испании был ниже, чем во Франции. Поэтому и левые комунерос, хотя они субъективно и были демократами, решительными революционерами, объективно не могли стать «якобинцами с народом».

Как уже говорилось выше, положение Риэго осенью 1821 г. было очень трудным: борясь с клеветой, он не мог добиться правосудия. Но народ был на его стороне. Русский представитель в Испании писал в октябре 1821 г., что «во всех провинциях выражают возмущение по поводу увольнения Риэго. Носят по улицам его портрет, в его честь устраивают иллюминацию, поют в церквях «Te Deum». Очень активны клубы, количество которых за последние три недели возросло»²⁶. Население, местные власти, военные части, патриотические общества выражали Риэго свое сочувствие и солидарность и посылали королю протесты против действий правительства²⁷.

Правительство ответило на народное движение репрессиями, но это не остановило проявлений сочувствия к Риэго, что было одновременно и выражением недоверия министрам. Именины Риэго 24 октября вылились по всей стране в большой патриотический праздник. Происходили демонстрации, произносились речи. В Севилье и Кадисе празднества проходили при участии местных властей и носили особенно яркий характер. Этим обстоятельством министры воспользовались, чтобы уволить губернаторов Севильи и Кадиса — патриотов Веласко и Хауреги. Это было последней каплей произвола, переполнившей чашу терпения народа. В Андалусии вспыхнуло восстание, направленное против контрреволюционных министров и продолжавшееся до тех пор, пока наиболее ненавистные народу министры не были смены в январе 1822 г.

Развитие событий с осени 1821 г. и особенно революционный подъем конца 1821 г. выявили серьезные расхождения среди эксалтадос. Во время как комунерос стояли за решительную и непримиримую борьбу с реакционным правительством, масоны занимали примиренческую позицию. Отношение обеих партий к Риэго доказывает, что, хотя он официально был масоном, политически он был ближе к комунерос: по словам виднейшего масона Алькала Гальяно, масоны защищали Риэго, но не одобряли полностью его поведение, в то время как комунерос «считали дело Риэго своим собственным делом»²⁸.

В обстановке революционных событий на Юге, в Валенсии и Галисии в конце 1821 г. и сильного революционного брожения во всей стране про-

в том, что оно не хочет подчиниться политике масонов и разрешает плебейской газете «El Zurrigao» и клубу Ландабуру называть себя органами комунерос (официально они ими не были).

²⁶ Архив внешней политики России (далее — АВПР), Канцелярия, 1821, д. 9108, л. 250—251.

²⁷ Многие из этих обращений приложены к донесениям поверенного в делах России в Испании графа Булгари.— АВПР, Канцелярия, 1821, д. 9108.

²⁸ A. Alcalá Galiano. Memorias, t. 2. Madrid, 1886, p. 183—184.

прошли выборы в кортесы второго созыва. Они дали значительно более представительный состав, чем в кортесах первого созыва. В новых кортесах, открывшихся 1 марта 1822 г., две трети депутатов составляли эксальтадос, главным образом масоны²⁹. Среди них были такие видные и активные деятели, как Риэго, Септиен, Бельтран де Лис, Истурис, Алькала Гальяно и др. Первым председателем³⁰ новых кортесов был избран Риэго.

На первом же заседании новых кортесов Риэго показал, что он не собирается продолжать ту постыдную игру с королем и контрреволюционными министрами, которая велась в кортесах первого созыва. В традиционной тронной речи, составленной теперь уже новыми министрами³¹, король заявил об отсутствии какой-либо опасности для революции извне, о том, что во внутреннем положении Испании еще не могло произойти больших улучшений, так как для этого требуется много времени, и что в общем «все благополучно»³². Но вместо обычного цветистого и лицемерного ответа председателя кортесов о любви короля к конституции и о царящих в стране мире и спокойствии король услышал от Риэго совсем иное. Председатель кортесов сказал, что положение страны вовсе не так благополучно, как можно подумать, слушая речь короля. «Сложная обстановка, в которой мы находимся, постоянные махинации врагов свободы, сопротивление, которое мы все время встречаем даже со стороны тех, кто не ненавидит реформы, требуют от нас максимальной настойчивости и энергии, чтобы укрепить существующую политическую систему. Чтобы довести до конца уже начатые реформы, необходимо подавлять сильной рукой все встречающиеся препятствия»³³.

Так считали Риэго, комунерос и многие масоны, и так они хотели действовать. Министры же продолжали политику преследования революционеров и потворствования врагам революции.

Эта контрреволюционная политика, проводившаяся конституционными правительствами с самого начала революции, привела к тому, что враги революции обретали все большую уверенность и наглость, контрреволюционные выступления множились и весной 1822 г. вылазки абсолютистов происходили во многих больших и особенно малых городах, а в Наварре и остальных горных районах Каталонии вспыхнули роялистские восстания.

В то же время в больших городах, более развитых и передовых в экономическом, культурном и политическом отношении, демократические массы стали выдвигать более радикальные требования, вплоть до требования отрешения от власти преступного короля³⁴ (но не уничтожения монархии). К тому же эксальтадос настойчиво добивались — правда, только парламентским путем — аграрной реформы. Уже два раза (в 1821 и 1822 гг.) кортесы принимали закон об отмене сеньориальных прав на землю, но король накладывал на него вето. В третий раз король уже не имел права вето, и в 1823 г. закон был утвержден. Но к этому времени значительная часть испанской территории была уже оккупирована иностранными интервентами, в остальных районах шли бои, и аграрная реформа так и не была осуществлена.

Враги революции — от абсолютистов до министров-модератос — попытались в начале июля 1822 г., опираясь на королевскую гвардию, осуществить контрреволюционный переворот. Патриоты Мадрида быстро разгромили бунтовщиков, но тайные союзники и сторонники мятежников в

²⁹ В последующей деятельности кортесов это большинство практически превратилось в меньшинство из-за непоследовательности или прямого предательства многих масонов.

³⁰ Председатель кортесов избирался на один месяц.

³¹ После победы левых на выборах 1821 г. королю пришлось составить новый кабинет из числа модератос во главе с Мартинесом де ла Роса.

³² «Diario... de 1822», t. I. Madrid, 1872, p. 54.

³³ Ibidem.

³⁴ Требование плебейской газеты «La Tercerola». — АВПР, Канцелярия, 1822, д. 7572, л. 386—387.

правительстве и кортесах помешали патриотам разоблачить все связи заговорщиков и окончательно добить их.

Июльский мятеж настолько скомпрометировал министров-модераторов, что им пришлось, несмотря на сильнейшее нежелание короля, уйти и уступить место министрам-масонам. 5 августа 1822 г. было образовано новое правительство во главе с товарищами Риэго по восстанию в Андалусии Эваристо Сан-Мигелем (министр иностранных дел) и Лопесом Баньосом (военный министр). Власть перешла от представителей либерального дворянства к представителям либеральной буржуазии. Наступивший новый решающий этап испанской революции 1820—1823 гг. окончательно доказал, что испанская буржуазия не способна была довести до конца буржуазную революцию, превратить ее в буржуазно-демократическую, обеспечить ей поддержку крестьянства и тем самым добиться победы.

Осенью 1822 г. гражданская война уже бушевала в Испании, она приняла широкие размеры в Наварре и Каталонии, но коснулась и многих других провинций, где действовали отдельные банды абсолютистов. Внешние враги испанской свободы — монархи Священного союза, договорившись на конгрессе в Вероне, также собирались перейти к более решительным действиям.

Все это побудило испанских патриотов требовать от министров-масонов решительной борьбы с врагами революции. Но новые министры обманули все ожидания.

Чтобы сломить сопротивление врагов конституционной системы, нужно было уничтожить их материальную базу, прежде всего конфисковать их земли, т. е. применить революционное насилие. Но для этого у масонов, представителей крупной торговой буржуазии, не доставало мужества, революционного дерзания. Они больше всего боялись якобинства и гражданской войны, поэтому они вместо решительной борьбы против врагов революции пытались добиться соглашения с ними. Они надеялись превратить смертельных врагов конституции в ее друзей посредством убеждения и компромиссов.

Против этой политики, являвшейся по существу изменой революции, выступили комунерос. Осенью 1822 г. разгорелась ожесточенная борьба между масонами и комунерос по тем же вопросам, по которым обе эти партии вместе выступали прежде против модераторов: за решительную борьбу против врагов революции, за обеспечение конституционного строя в Испании.

Риэго в этот период считался официальным главой масонской организации³⁵, но он не одобрял политику масонского правительства и часто посещал плебейский клуб Ландабуру, где слушал с одобрением нападки комунерос на правительство и на масонов и нередко выступал сам³⁶.

Клуб Ландабуру был подлинным представителем демократических низов. Не было такой интересующей народ политической темы, которая не обсуждалась бы там. Каждый вечер зал бывал полон, причем значительную часть посетителей составляли женщины. Здесь вскрывали злоупотребления, саботаж, контрреволюционные интриги, обличали нерадивых и нечестных чиновников, выражали недовольство слишком умеренной политикой властей. Английский путешественник Куин писал, что обычные ораторы клуба, за исключением Мехия, Моралеса и Ромеро Альпуэнте, отличались «большой дерзостью, крайними убеждениями, малыми познаниями»³⁷. Это значит, что наряду с видными руководителями комунерос в клу-

³⁵ A. Alcala Galiano. *Memorias*, t. 2, p. 363; C. de Burgos. *La gloriosa vida...*, p. 201.

³⁶ О расхождении Риэго с масонами пишет и анонимный комунеро. — Цит. по кн.: V. de la Fuente. *Historia de las sociedades secretas en España...*, t. 2. Barcelona, 1933, p. 101.

³⁷ M. Y. Quin. *A Visit to Spain*. London, 1823, p. 71—72.

не выступали рядовые представители простого народа, обладавшие «малыми познаниями и крайними взглядами».

Интересы этого простого народа и представляли левые комунерос, наиболее демократическое течение революции 1820 г. Риэго был политически близок именно к ним, а не к соглашателям-масонам. Об этом свидетельствует как его активное участие в деятельности плебейского клуба, так и тот факт, что имя его являлось знаменем комунерос. Не только в клубе Ландабуру, но и на улицах, в кортесах — всюду, где народ сопротивлялся проискам контрреволюции и защищал конституцию 1812 г., звучало, как лозунг, имя Риэго. Революционер-демократ Риэго пользовался любовью и поддержкой народа. Зато в кортесах его влияние было значительно меньшим, так как он был левее большинства депутатов. Кортесы не обращали внимания на предостережения Риэго об опасностях, которые грозят родине, и на его предложения о необходимых мерах борьбы с ними.

Министры-масоны ответили на критику со стороны комунерос арестами, провокациями, преследовавшими цель скомпрометировать комунерос. Борьба масонов против более левых элементов привела к еще большему поправлению масонов и к сближению и союзу их с левым крылом модерадос. С марта 1823 г. однородное масонское правительство сменилось коалиционным правительством масонов и модерадос. Между тем конституционный строй в Испании становился все более шатким: обманутое в своих надеждах на землю крестьянство становилось все более равнодушным к революции, абсолютистские восстания ширились, а внешняя угроза надвигалась все ближе.

В апреле 1823 г. давно угрожавшая интервенция Священного союза стала, наконец, реальностью: сотысячная французская армия под командованием принца Ангюлемского вторглась в Испанию с целью восстановления абсолютизма. Англия официально отмежевалась от интервенции, но явилась шантажом — вымогала у Испании уступки в Америке, предавая при этом конституционное правительство. Это последнее проводило пораженческую политику: не веря в испанский народ, в поддержку им конституционного строя, оно возложило все свои надежды на Англию, закрывая глаза на лицемерие и предательство «коварного Альбиона». Оно не сумело организовать оборону конституционного строя. А некоторые политические мероприятия, которые оно провело в качестве оборонных, нанесли величайший вред обороноспособности страны. Одной из таких мер была эвакуация правительства из Мадрида в начале апреля 1823 г. вместо организации обороны столицы. Левые комунерос и с ними Риэго резко выступили против эвакуации, которую они считали позорным, трусливым, деморализующим народ бегством³⁸. Но декрет прошел голосами масонов и модерадос.

Борьба масонов и комунерос еще больше обострилась во время интервенции. Комунерос и примыкавшие к ним революционные масоны, в том числе Риэго, считали спасение конституционного строя возможным при опоре на народные массы. Но они не понимали решающего значения аграрной революции, немедленного удовлетворения требований крестьян, и поэтому оказались бессильными в борьбе против масонов и правых элементов. Масоны же занимали по существу пораженческую позицию.

Предательство большинства «конституционных» генералов привело к тому, что армия интервентов очень быстро продвигалась вперед, почти не встречая сопротивления, и в августе 1823 г. почти вся Испания, за исключением Каталонии, где героически сражался талантливейший полководец испанской революции генерал Мина, была оккупирована французами. Кортесы отступили на тот клочок земли — остров Леон, где они возникли в 1810 г., а интервенты уже приближались и сюда. Положение казалось

³⁸ Pecchio. Tagebuch der politischen und militärischen Ereignissen in Spanien vom Juli 1822 bis Juli 1823, p. 112; «Spain Vindicated, or the Sparpers' Game», London 1825, p. 57; V. de la Fuente. Historia..., t. 2, p. 82.

безнадежным. И только тогда кортесы разрешили Риэго вернуться в армию³⁹.

Еще 28 апреля Риэго просил кортесы разрешить ему, ввиду угрожающей родине опасности, возглавить отряд добровольцев, вооруженных и экипированных за счет пенсии в 80 тыс. реалов, которую кортесы назначили ему и от которой ему не разрешили отказаться. Обращение Риэго было отклонено по формальным мотивам⁴⁰. В июле он повторил свою просьбу — и опять получил отказ⁴¹. Морено Герра, один из виднейших комунерос, говорил тогда, что единственное средство спасти Кадис — это поручить Риэго командование армией Андалусии⁴². Но кортесы боялись дать широкие полномочия столь решительному человеку, каким был Риэго. Лишь в августе, когда депутаты уже не видели другого выхода, чтобы хоть несколько отсрочить падение последнего убежища конституционного правительства, просьбу Риэго удовлетворили.

По словам участника и историка французской интервенции офицера Юго, кортесы хотели отвести войска из всех других частей страны и сосредоточить их вокруг Кадиса. Риэго сопротивлялся этой «стратегии», указывая, что ограничиться только обороной острова Леон — значит связать судьбу революции с судьбой Кадиса. Он предлагал не концентрировать, а децентрализовать сопротивление — наряду с упорной защитой Кадиса продолжать борьбу по всей стране, организовать в тылу у французов новые партизанские отряды для дезорганизации войск врага⁴³. Риэго понимал всю трудность положения, но он верил в революцию и в народ и поэтому надеялся победить. Теперь, как и в начале революции, Риэго показал себя самым инициативным, самоотверженным, преданным защитником свободы родины.

Риэго рассчитывал принять командование войсками генерала Сайяса в Малаге, соединиться с гарнизонами городов, оставшихся верными конституции, вернуть под знамена конституции войска предателя — генерала Балвестероса, связаться с защитниками конституции, действовавшими в Эстремадуре, и со всеми этими силами напасть на французов с тыла, перерезать их коммуникации с Мадридом и, таким образом, снять осаду Кадиса⁴⁴.

Выполняя этот план, Риэго выехал вместе с несколькими офицерами 17 августа из Кадиса, переодетый, на рыбацкой лодке, прорвался сквозь французскую блокаду и 18 августа прибыл в Малагу, где его восторженно встретили войска и население⁴⁵.

В Малаге Риэго прежде всего арестовал командующего — генерала Сайяса и других офицеров, не внушавших доверия, а также всех подозрительных лиц, как духовных, так и светских. Он обложил налогом банк духовной корпорации, ряд церквей и монастырей, самых богатых купцов, забрал церковную десятину, переплавил церковную утварь в деньги, которыми заплатил армии⁴⁶, и, по словам бежавшего из плена Сайяса, «успешно добыл большое количество денег и продовольствия для своих войск»⁴⁷. 21 августа Риэго издал приказ о смертной казни за предательские разговоры о капитуляции или о реформе конституции⁴⁸ и расстрелял 14 богатых испанцев, выражавших недовольство его мероприятиями. Он облагал налогами иностранцев наравне с испанцами, заявляя, что «не знает тон-

³⁹ Как депутат, Риэго не имел права покинуть кортесы без их разрешения.

⁴⁰ «Diario... de 1823». Madrid, 1873, p. 25.

⁴¹ «The Times», 28.VII.1823.

⁴² Ibidem.

⁴³ A. H u g o. Histoire de la campagne d'Espagne en 1823, t. 2. Paris, 1825, p. 12—13.

⁴⁴ «Procès du général Raphael del Riego». Paris, 1824, p. 14, 15; G. Hubbard. Histoire contemporaine de l'Espagne. 1er sér., t. 2. Paris, 1869, p. 149.

⁴⁵ «Procès...», p. 16; A. H u g o. Histoire..., t. 2, p. 149.

⁴⁶ «The Times», 18, 22.IX.1823.

⁴⁷ «The Times», 23.IX.1823.

⁴⁸ «The Times», 11.IX.1823.

истой дипломатии, но хорошо знает, что все, кто имеет деньги, должны платить за защиту, которую его армия оказывает им»⁴⁹.

В Малаге Риэго обратился к своей армии с патриотическим воззванием, которое заканчивалось словами: «Товарищи! Третьего пути нет: или победить и сохранить свободу и честь, или подчиниться власти врагов и жить и умереть рабами, покрытыми позором. Что касается меня, то я никогда не перестану быть испанцем. Рядом и во главе защитников родины вы всегда увидите вашего товарища и командира, разделяющего лишения, труды и славу с храбрецами, которые выполняют свой долг, и наказывающего твердой рукой слабого, трусливого, бесчестного, который посягнет на честь и свободу родины»⁵⁰.

Под натиском французской армии Риэго со своим небольшим отрядом пришлось вскоре оставить Малагу. Он направился в Картажену на соединение с патриотом генералом Торрихосом, но французский генерал Бонмон перерезал ему путь и дал бой в Хаене 13 сентября. Риэго потерпел поражение и потерял 500 человек. В двух последующих больших сражениях — в Манча-Реале и Ходаре (провинция Хаен) — его отряд был совершенно разгромлен превосходящими силами противника и ему самому пришлось спастись с двумя товарищами. 15 сентября неосторожный и слишком доверчивый Риэго был узнан и выдан роялистам монахом Лопесом Лара.

Позорная пораженческая политика масонов, ответственных и за измену предателей-генералов, привела к гибели революции. 26 сентября под жерлами французских пушек, расположенных уже на самом острове Леон, конституционное правительство Испании капитулировало перед интервенцией Священного союза. 30 сентября министры подали в отставку и кортесы самораспустились. 1 октября король Фернандо издал декрет, который восстанавливал абсолютизм на всей территории Испании⁵¹.

Революция 1820 г. потерпела поражение потому, что она не добилась разрешения аграрного вопроса — не дала крестьянам земли. Землеуладельцы-модератоды сопротивлялись земельной реформе потому, что сами были кровно заинтересованы в сохранении феодального землевладения. А буржуазия, которая была заинтересована в ликвидации феодального землевладения, не поддержала крестьянское движение из-за политической трусости и слепоты. Крупная, главным образом торговая, буржуазия, которую представляли масоны, боялась решительных революционных действий и ни за что не хотела прибегнуть к революционному насилию. Она надеялась передать крестьянам землю конституционным путем, но этот путь оказался столь медленным, что раньше, чем закон об отмене феодальных прав смог, по конституции 1812 г., окончательно вступить в силу, крестьянство разочаровалось в конституционном строе и, пользуясь этим, внутренние и внешние враги раздавили революцию.

Наиболее демократичные деятели революции — левые комунерос, к которым фактически примыкал и Риэго, не боялись революционных методов борьбы, не боялись привлечь народные массы к участию в революции, но, как типичные буржуазные революционеры эпохи восходящего капитализма, не могли понять, что поведение и взгляды людей определяются в конечном счете их классовой принадлежностью и специфичными для этих классов социальными, экономическими и политическими инте-

⁴⁹ «The Times», 22.IX. 1823.

⁵⁰ C. de Burgos. La gloriosa vida..., p. 216.

⁵¹ В течение многих месяцев после падения конституционного строя бывшие солдаты и другие патриоты продолжали партизанскую войну против абсолютистов. — «The Times», October — December 1823. Русский дипломат Поццо ди Борго считал, что нужно очень много времени, чтобы вновь укрепить абсолютистский строй в Испании. В ноябре 1823 г. Поццо ди Борго писал, что если французская оккупационная армия будет выведена из Испании через 6 месяцев, то «революция и беспорядки всякого рода вспыхнут снова с большей силой, чем прежде». — АВВР, Канцелярия, 1823, д. 7576, л. 53. Все это доказывает, что при подлинном революционном руководстве можно было бы спасти конституционный строй в Испании даже при наличии иностранной интервенции.

решающими. Они мыслили понятиями «свобода», «равенство», «справедливость», не сознавая, что за этими высокими понятиями скрываются весьма реальные классовые интересы. Поэтому даже в самый критический период революции они считали, что достаточно пламенных призывов, чтобы призвать «народ» (из которого они не выделяли крестьянство) к революции⁵². При этом они практически игнорировали материальные интересы крестьянства, за что дорого заплатились.

После капитуляции кортесов жесточайший белый террор охватил всю Испанию. Абсолютисты мстили со всей силой своей безграничной ненависти за страх и — незначительные, правда, — лишения, которые они испытывали во время революции.

Вместе с конституционной системой в Испании погиб и человек, открывший ей дорогу в 1820 г., имя которого символизировало в глазах испанского народа свободу, судьба которого отождествлялась им с судьбой революции.

Схваченный абсолютистами 15 сентября в местечке Аркильос, Риэго был перевезен в Мадрид, подвергаясь по дороге глумлению попов и монахов и науськиваемых ими деклассированных элементов⁵³.

Процесс Риэго, как и следовало ожидать, оказался подготовленной заранее инсценировкой. Ни один мадридский адвокат не осмелился добровольно взять на себя защиту подсудимого, и защитник был назначен судом⁵⁴. Риэго отказался присутствовать на суде, он отрицал компетентность и правомочность судей и заявил, что его может судить только военный трибунал. Приговор, объявленный ему 5 ноября, он выслушал совершенно спокойно. На основании декрета мадридского регентства о казни депутатов, голосовавших за создание севильского регентства⁵⁵ в июне 1823 г., Риэго был приговорен к повешению с последующим четвертованием. Он был казнен 7 ноября 1823 г.

Не довольствуясь физическим уничтожением столь опасного врага, испанская реакция попыталась уничтожить даже революционную память о нем в народе. После смерти Риэго была пущена в ход гнусная клевета о том, что он накануне казни якобы отрекся от своей революционной деятельности. Вся жизнь Риэго опровергает эту грязную клевету. Он не мог в последний момент отказаться от всего того, что составляло смысл его жизни, ради чего он пошел на смерть. Гневное заявление французского офицера, бывшего свидетелем казни Риэго и немедленно опровергнувшего подлый вымысел врагов революции, является только дополнительным доказательством стойкости Риэго. «Риэго умер так, как он должен был умереть, — писал этот француз с нескрываемым восхищением, — и все то, что говорят о слабости, якобы проявленной им в последние минуты, — только

⁵² Показателен подход к этому вопросу видного левого комунеро П. Мендеса Виго. Подводя итоги революции в статье, опубликованной в 1834 г., и осуждая порабощенческую политику масонов, Мендес Виго писал, что нужно было в 1823 г. «при помощи сильного морального импульса поднять ту инертную массу, которая не имеет определенного мнения, а следует за тем, кто лучше сумеет увлечь ее проявлением таланта, смелости, величия и добродетели». — P. Mendez Vigo. *España y America en progreso*. Paris, 1834. Перепеч. в кн.: *Miraflores. Apuntes historico-criticos para escribir la historia de la revolucion de España desde los años 1820 hasta 1823*, t. 2. London, 1834, p. 356.

⁵³ В испанских городах, особенно в Севилье, было очень много деклассированных элементов — результат особенностей испанского аграрного строя и социальных отношений. Эти фанатичные темные люди легко переходили от одной крайности к другой. Если в разгар революции они пели серенады под окнами Риэго и носили его на руках, то после поражения революции, поддаваясь влиянию монахов, готовы были растерзать его.

⁵⁴ A. Hugo. *Histoire...*, t. 2, p. 140.

⁵⁵ Когда в июне 1823 г. интервенты приближались к Севилье, король решительно отказался эвакуироваться с правительством в Кадис. Тогда кортесы поименным голосованием признали короля временно невменяемым и, в соответствии с конституцией 1812 г., создали регентство специально для осуществления переезда правительства из Севильи в Кадис.

последнее оскорбление, нанесенное памяти человека, в отношении которого истории, наверное, окажется более справедливой»⁵⁶.

Французский офицер оказался прав.

Ни террор Фернандо Кровавого и всех его преемников, ни клеветнические мемуары абсолютистов и ренегатов, вроде Алькала Гальяно, ни популяризация этих измышлений либерально-буржуазными историками не могли стереть из памяти испанского народа светлый образ его славного сына, самоотверженного борца за свободу, человека кристальной чистоты, мужественного, скромного, бескорыстного, беззаветно преданного делу освобождения своей родины от деспотизма. Пророческим оказалось предсказание депутата кортесов Муньоса Арройо, произнесенное им в разгар преследования Риэго осенью 1821 г.: «Несмотря на все старания клеветников и завистников, имя Риэго в этом поколении и в будущих всегда будет сопутствовать борьбе за свободу испанцев»⁵⁷. Испанский народ подтвердил это, когда, окончательно свергнув монархию, он сделал своим национальным гимном Гимн Риэго, когда испанские республиканцы, защищавшие в 1936—1939 гг. свободу и независимость своей родины от нового нападения международной реакции, шли на бой под звуки марша, прозвучавшего впервые среди бойцов легендарной колонны Риэго в феврале 1820 г.

⁵⁶ «Procès...», p. 37. «The Times» также опровергла слухи о «раскаянии» Риэго.— «The Times», 17, 19.XI. 1823.

⁵⁷ «Diario... de 1821—1822», t. 2, p. 1280.

